

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2015.6.03

Правильная ссылка на статью:

Истомина А. Г., Оберемко О. А. Легитимация протестного участия волонтеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 32—47.

For citation:

Istomina A. G., Oberemko O. A. Legitimization of volunteers' protest participation // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 6. P. 32—47.

А. Г. Истомина, О. А. Оберемко ЛЕГИТИМАЦИЯ ПРОТЕСТНОГО УЧАСТИЯ ВОЛОНТЕРОВ

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПРОТЕСТНОГО УЧАСТИЯ ВОЛОНТЕРОВ

ИСТОМИНА Анна Геннадьевна — аспирант департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ. E-mail: aistomina@hse.ru

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич — доцент департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ. E-mail: ooberemko@hse.ru

Аннотация. Статья продолжает текст авторов, опубликованный в этом же журнале в № 2 за 2015 г., в котором реконструировался непротестный, аполитичный этос волонтерского участия, отрицающий совместимость роли волонтера с протестной деятельностью. В настоящей статье представлена альтернативная точка зрения, допускающая совместимость волонтерства с протестным участием.

LEGITIMIZATION OF VOLUNTEERS' PROTEST PARTICIPATION

ISTOMINA Anna Gennadievna — post-graduate student, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. E-mail: aistomina@hse.ru

OBEREMKO Oleg Alekseevich — Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, Leading Researcher, Center for Social Entrepreneurship and Social Innovation Studies, National Research University Higher School of Economics. E-mail: ooberemko@hse.ru

Abstract. The article is a continuation of the work published in the second issue of the Monitoring of Public Opinion (No 2, 2015) which reconstructs non-protest apolitical ethos of the volunteer participation denying the compliance between the volunteer's role and the protest activity. The article considers an alternative point of view allowing the co-existence of the volunteering and the protest participation. The purpose of the study is to

Цель — реконструировать категориальное пространство протестного этоса волонтерского участия по материалам интервью с волонтерами, в которых утверждается допустимость протестного участия в рамках волонтерской деятельности. Результат реконструкции представлен в виде пяти извлеченных измерений, образуемых дихотомически противопоставленными друг другу смыслами протестного волонтерства. Показано, что в рамках протестного этоса сосуществуют два способа легитимировать протестное участие волонтеров: аргументировать либо к сущности волонтерства, либо к объекту заботы; всякому аргументу соответствуют свои границы и масштаб ставящихся задач перед протестным действием, а также смыслы волонтерства и протестного действия.

Ключевые слова: волонтерство, активизм, волонтерское участие, гражданское участие, протестный этос, субдискурс волонтерского участия.

Благодарность. Обе статьи написаны на одном и том же массиве данных, при сборе которых использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественно-проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ № 127–рп от 02.03.2011 Независимому аналитическому центру «Социум–Регион». Статья подготовлена в рамках научного сотрудничества между Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и Исследовательским центром изучения Восточной Европы. Финансовая поддержка немецкого партнера осуществляется фондом Александра Гумбольдта.

reconstruct the categorical framework of the volunteering protest ethos using the interviews with volunteers which admit protest participation as part of volunteering. The reconstruction represents five derived dimensions formed by the dichotomically opposed meanings of the protest volunteering. There are two ways to legitimize the protest participation of the volunteers in the protest ethos: either to speak in favor of the «essence of the volunteering», or to speak in favor of the «object of preoccupation»: each argument has its limits and scope of tasks posed for the protest action as well as different meanings of the volunteerism and protest actions.

Keywords: volunteering, activism, volunteer participation, civil participation, ethos, sub-discourse of volunteer participation.

Acknowledgment. Both articles were based on the data array obtained during the project sponsored by the Institute of Public Engineering (Grant under the Russian president executive order No 127-rp, dated 02.03.2011, to Independent Analytical Centre Socium-Region). The article is a product of the academic cooperation between the National Research University Higher School of Economics and the Research Institute for East European Studies. The German partner is sponsored by the Alexander von Humboldt Foundation.

Волонтерство как источник политического и протестного участия

В статье исследуется вопрос о совместимости волонтерства и протестного участия (шире — активизма); эти два течения исследовались в разных дисциплинарных областях: волонтерство изучали специалисты по некоммерческому сектору, активизм и протестные формы участия — специалисты по социальным движениям [Musick, Wilson, 2008: 19; Henriksen, Svedberg, 2010: 96]. В последнее время превалирует точка зрения о целесообразности рассматривать волонтерство и активизм как пересекающиеся явления и о непродуктивности их институционального обособления [Henriksen, Svedberg, 2010: 96; Janoski, 2010: 101; Musick, Wilson, 2008].

Сама постановка вопроса о соотношении волонтерства и протестного участия становится возможна в рамках неотоквилевской теоретической традиции, обозначившей волонтерство в качестве одного из основных источников партисипаторной демократии. Этот взгляд впервые был озвучен еще А. де Токвилем в книге «Демократия в Америке», когда он рассматривал волонтерство как институциональное (непротестное, конвенциональное) гражданское и политическое участие. В центре его внимания обремененный волонтер — тот, чье волонтерское и политическое участие не выходит за границы первичных социальных солидарностей [Janoski, 2010: 101]. Современные исследователи неотоквилевского направления, по словам Яноски, рассматривают необремененного волонтера, который помимо поддержания статус-кво в сообществе ориентирован на изменение статуса примордиальных групп и собственных профессиональных и иных социальных ролей [Janoski, 2010: 102], и в этом смысле является также носителем протестного действия, направленного на широкие социальные изменения.

Деккер с коллегами выделяет два вида волонтерского участия: социальное и политическое. Социальным участием они называют волонтерскую деятельность (и/или членство) в организациях, специализирующихся на оказании социальных услуг пожилым, инвалидам и другим депривированным группам, а также волонтерство в образовании, искусстве, организации культурных, спортивных и оздоровительных мероприятий, работу с молодежью, к политическому участию относят волонтерскую деятельность (и/или членство) в политических партиях, правозащитных и экологических организациях, движениях за мир, профсоюзах и профессиональных ассоциациях. В фокусе их внимания находится взаимосвязь между социальным, политическим и протестным участием. Под последним понимается политический протест в форме бойкотов, участия в разрешенных демонстрациях и неразрешенных забастовках [Dekker, Koopmans, van den Broek, 2005: 227], т. е. те формы участия, нарушающие нормы «права или традиции, которые регулируют участие людей в политике при данном режиме» [Сафронов, 1998]. Обнаруживая положительную связь между всеми тремя видами участия (политическим и социальным, политическим и протестным, социальным и протестным), исследователи отмечают, что самая слабая связь наблюдается между социальным участием и протестной активностью [Dekker, Koopmans, van den Broek, 2005: 229].

Под давлением эмпирического материала в своей статье мы трактуем протестное участие предельно широко: как любые (преимущественно) коллективные институционализированные или внеинституциональные действия членов

волонтерских организаций любой направленности (социальной, экологической, правозащитной и др.), которые любым релевантным агентом маркируются как протестные или оппозиционные.

Т. Яноски использует понятие «гражданское волонтерство» как эквивалент «гражданскому участию» и сегментирует поле волонтерского участия через отношение к институциональным ценностям, выделяя три крупных направления: «*поддержание гражданского устройства*», «*гражданское переустройство*», «*ослабление гражданского устройства*». Направление, обозначенное как «поддержание гражданского устройства», включает всю сферу волонтерского участия, направленную на сохранение, поддержание и укрепление сложившихся институциональных норм и ценностей. В социальной науке эта сфера обозначается *волонтерством*. Две другие области волонтерского участия, традиционно относимые к *активизму*, ориентированы на изменение сложившихся институциональных ценностей. Основание для их дифференциации — транслируемые ценности. Волонтерское участие, транслирующее универсалистские ценности, Яноски вслед за Александром [Alexander, 2006], обозначает как «исправление гражданского устройства» (civic repair). «Ослабление гражданского устройства» связывается с распространением партикуляристских ценностей, нацеленных на закрепление социальных неравенств внутри гражданского общества (например, Ку-клукс-клан). Волонтерские группы с ориентацией на гражданское переустройство, напротив, критикуя неравенства, борются за установление новых универсалистских ценностей. Яноски приводит в пример деятельность Мартина Лютера Кинга, который сумел выразить идеи частных гражданских прав (справедливое отношение, равное право на труд) на языке всеобщих ценностей и представить протест как «борьбу всех людей за свои права в рамках демократии» [Janoski, 2010: 111—112].

Рассмотренные выше взгляды демонстрируют общую направленность отделять волонтерство от гражданско-политического и, тем более, протестного участия. Это различие находит отражение в выделении разными исследователями дихотомических признаков для характеристики волонтерства и активизма (здесь и далее под активизмом подразумевается только волонтерский активизм, т. е. «участие в неполитических организациях различных видов»; из рассмотрения исключен политический активизм — «активное участие членов партии в организационных и агитационных мероприятиях внутри партии» [Whiteley, Seyd, 2005: 133]).

Вместе с тем некоторые авторы отмечают, что взаимосвязь между социальным волонтерством и протестным участием редко попадает в фокус исследования социальных ученых [Dekker, Koopmans, van den Broek, 2005: 225], что делает актуальным поиск точек соприкосновения между волонтерской деятельностью и протестной активностью.

Одним из подходов к рассмотрению соотношения волонтерского и протестного участия является ролевое различие волонтера и активиста¹. Последнее раскрывается через ряд противопоставлений: (1) направленность деятельности волонтера на людей vs активиста — на структуры [Musick, Wilson 2008: 18]; (2) гу-

¹ Волонтерская деятельность как априори непротестная рассматривается в качестве ролевой характеристики волонтера, тогда как протестное участие — в качестве ролевой характеристики активиста.

манитарные vs политические цели деятельности [Passy, 2001: 6; Климов, 2014: 204]; (3) ориентация на решение единичной проблемы vs ориентация на более широкое политическое участие [Eliasoph, 1996: 283]; (4) ориентация на поддержание/сохранение vs изменение наличного состояния/порядка [Janoski, 2010; Musick, Wilson, 2008: 18; Caputo, 1997: 157; Smith, Ferguson, 2009: 397]; (5) отвержение/избегание vs использование нетипичных каналов гражданского участия (бойкоты, забастовки, формы гражданского неповиновения и др.) [Musick, Wilson, 2008: 18; Eliasoph, 2013: 40]; (6) непосредственность [Климов, 2014: 204; Poppendieck, 1998: 274] (и краткосрочность vs опосредованность (и долгосрочность) результата [Musick, Wilson, 2008: 18]; (7) приватное (private) vs публичное пространство как сцена осуществления социального действия [Eliasoph, 2013: 40]; (8) взгляд на проблему как на статичную, неизбежную vs временную, «руководную» [Eliasoph, 2013: 40] (объективистский vs конструктивистский фокус); (9) узкий, упрощенный (не видят источник проблемы) vs широкий (видят источник, причину проблемы) взгляд на проблему [Musick, Wilson, 2008; Eliasoph, 2013; Pesqueux, 2013: 2685]; (10) действие свободно от определенной идеологии vs детерминировано идеологией/идеей [Pesqueux, 2013: 2683]; (11) потребление vs производство знания [Blackstone, 2004: 351; Eliasoph, 1998].

Все эти противопоставления имеют аналитический, условный характер. На практике роли чрезвычайно подвижны: если «некоторые люди принимают идентичность волонтера и отвергают идентичность активиста» [Musick, Wilson, 2013: 18], то в других случаях волонтерство «перерастает в активизм» [Eliasoph, 2013: 40; Omoto, Snyder, Hackett, 2010: 1705], и, возможно, именно о таких случаях говорят, что «большинство активистов является волонтерами» [Ellis, Campbell, 2005: 6]. Трудность анализа состоит в том, что в схожие волонтерские действия акторы могут вкладывать разные субъективные смыслы, интерпретировать одно и то же действие то как неполитический акт, то как политическое заявление (statement), то как способ выразить свою солидарность с референтным сообществом [Musick, Wilson, 2008: 19; Kayal, 1993: 124].

Переход от роли волонтера к роли активиста, расширение границ волонтерского акта до гражданско-политического действия, может происходить постепенно. Мьюзик и Уилсон, а также Элиасоф описывают это как расширение взгляда волонтера на проблему [Musick, Wilson, 2008: 18; Eliasoph, 2013: 40—41], т. е. как когнитивный процесс (акт осознания)². Типична ситуация, когда волонтер в непосредственном контакте с объектом заботы (к примеру, бездомными) начинает задумываться о структурных причинах, повлекших наличное состояние объекта заботы. Как только волонтер начинает задумываться об устранении причин, вы-

² И. А. Климов объясняет подвижность ролей волонтера и активиста спецификой групповой динамики волонтерской группы (т. е. структурными, не индивидуальными характеристиками). Волонтерство, по мнению Климова, предполагает коллективное принятие ответственности за некий объект заботы и действия по его защите, последние остаются конструктивными (не протестными) до того момента, пока не приходят в столкновение «с намерениями какой-либо внешней — часто „элитной“ — группой интересов» [Климов, 2014: 202]. Данный аргумент опирается на теоретическое представление о волонтерстве как о действии коллективном, предполагающем «некоторый вид коллективистской ориентации и потому некоторый вид групповой идентичности». Последнее, однако, по мнению Уилсона и Мьюзика, в большей степени характеризует активизм, а не волонтерство, так как последнее часто предполагает индивидуальные формы участия [Musick, Wilson, 2008: 22].

зывающих, к примеру, безработицу, его волонтерская деятельность приблизится к тому, что принято называть активизмом [Musick, Wilson, 2008: 19]. Подобный ролевой переход, конструируемый как автономное решение актора без ориентации на референтную группу, отражает ситуацию индивидуального волонтерского участия и характерен скорее для социального волонтерства.

Однако активизм в большей степени реализуется как коллективное действие [Musick, Wilson, 2008: 19], и, соответственно, предполагает изначальную идентификацию с некоторой референтной группой. Б. Кландерманс, анализируя взаимосвязь протестного участия и групповой принадлежности, отмечает что, люди с большей вероятностью участвуют в протесте, если «чувствуют, что группа, с которой они идентифицируются», связывает несправедливость с объектом, на который направлено протестное действие³ [Klandermans, 2002: 887]. Как отмечают Р. Хит и Д. Веймер, активисты действуют в поле «напряжения между тем, что есть, и тем, что должно быть» [Heath, Waymer, 2009: 201]. Исследователи обозначают отличие активизма от иных форм участия через типичную для него коллективную риторическую установку, заключающуюся в постановке под сомнение некоторого статуса-кво и демонстрации «посредством утверждения и доказательства слабости или лицемерия идеалов, на основе которых этот статус-кво действует» [Heath, Waymer, 2009: 209]. Вслед за С. Сефи (S. Sethi) М. Смит и Д. Фергюсон обозначают оценку со стороны активистов некоторого состояния как несправедливого (то, что есть, трактуется как не соответствующее тому, что должно быть) разрывом легитимности (*legitimacy gap*). Такой разрыв, как отмечают исследователи, «может создать напряжение», которое может привести к тому, что активисты будут реализовывать линии поведения, связанные с освещением собственной позиции в общественной дискуссии и осуществлением «решительных действий, направленным на изменения» [Smith, Ferguson, 2010: 397].

Таким образом, отличие протестующих активистов (от волонтеров) видится (1) в выраженной групповой самоидентификации, формирующейся (2) вокруг повестки несправедливого социального неравенства и (3) в оппозиции к социальному объекту — источнику несправедливости. Цель статьи — реконструировать категориальное пространство протестного этоса волонтерского участия, чтобы более подробно прояснить смыслы протестного волонтерства.

Эмпирическую базу статьи составили 160 полужурнализованных интервью с волонтерами из разных волонтерских объединений, собранных весной-летом 2012 г. в Краснодарском и Пермском краях и Самарской области. Массив данных формировался поэтапно. На первом шаге отбирали интервью, в которых стимульный вопрос *о целесообразности разделения волонтерства на протестное, оппозиционное и поддерживающее порядок* был задан. На втором шаге отбирали содержательные ответы. На третьем — были отобраны все 48 фрагментов, в которых утверждалась возможность протестного волонтерства и включенность протестной активности в поле волонтерства. Посредством последовательного кодирования в стратегии снизу вверх полученного текстового массива с использованием программы Nvivo реконструировался *субдискурс протестного волонтерского участия*.

³ Отношения между социальной идентичностью и протестным участием полагаются рекурсивными: «групповая идентификация усиливает протестное участие, а протестное участие усиливает групповую идентификацию» [Klandermans, 2002: 887].

Либеральное волонтерство: протест как диалог с властью

Волонтерство рассматривается как сфера деятельности (или институт), способствующий формированию гражданских установок акторов. Источником, транслирующим гражданские ценности, выступают те, кто «подает», «ведет» волонтерство; этим источником могут быть и руководители волонтерских организаций, и государственная политика в области волонтерства:

«...волонтерство, если его правильно вести, правильно подавать, способствует формированию некоего свободомыслящего и ответственного гражданина, и этот свободомыслящий человек, волонтер, начинает задавать вопросы» (П19).

В представленной фразе видится установка говорящего на поиск в волонтерском участии пространства свободы для социального активного политического/активистского действия и обозначении себя на публичной сцене в качестве самостоятельного, автономного актора, участвующего в широкой общественно-политической дискуссии. Волонтерство в этой перспективе — источник действия политического. Правильное волонтерство сочетает решение «социальных задач» (П03) внутри частных сцен с подачей «неудобных вопросов государству» на публичных сценах (П19). Активизм и политическое участие в этой картине мира являются «взаимодополнением, развитием» (П03) волонтерства:

«...то есть этот человек, волонтер, должен задавать вопросы, а у нас кто задает вопросы неудобные государству? Оппозиционеры. То есть у нас так получается, что мы [...] в каком-то смысле [...] действительно оппозиционная общественная организация. Так и есть — мы оппозиционная общественная организация и волонтерская организация» (П19).

В этой перспективе нужды конкретного объекта заботы не артикулируются. Необходимость протестной активности в волонтерстве объясняется не стремлением улучшить состояние конкретной социально незащищенной группы, а более широкими (политическими и социальными) причинами: снизить градус социального напряжения в обществе, указать на назревающие социальные конфликты, на дисфункции отдельных институтов или учреждений:

«Если мы не будем стоять в оппозиции, то государству будет хуже, потому что мы им помогаем: стоя в оппозиции, мы им открываем глаза на некоторые проблемы, которые они не видят. Поддерживаем баланс» (С35).

Импульсом к протестной активности становится не расширение взгляда волонтера на проблему в ходе повседневного взаимодействия с объектом заботы, но встраивание в ролевой репертуар волонтера роли активиста.

В либеральном измерении волонтерство видится источником решения гражданско-политических и социальных задач, волонтерская деятельность и протестная активность предстают как автономные области действия. Протестное участие волонтерства оправдывается двумя соображениями: (1) протестность — это производная гражданской ответственности и сознательности, последнее является ролевой характеристикой (настоящего) волонтера; (2) протестное участие — лишь форма, содержанием которой является не подрыв государственных институтов, а, напротив, их стабилизация. Артикулируется аргументация конфликта как средства интеграции общества (аргумент Козера): через обнаружение реальных и потенциальных конфликтов в системе обеспечивается ее целостность.

Правое волонтерство: протест как «война»⁴

Согласованно выглядят категории, относящие к протестному волонтерству, — организации или группы правого толка. Такое волонтерство отделяется от остальных форм волонтерской (протестной и непротестной) активности через два атрибута: (1) идейность (идеология) и (2) радикальность (жесткость). В роли подобных организаций называются действующие как волонтерские структуры фашисты и скинхеды, религиозные секты (ПОЗ), националистические группировки (П18, К20, К22). Периферийность, маргинальность таких волонтерских структур в волонтерском движении передается словосочетанием «темное волонтерство»⁵. При этом основанием для отнесения националистических и религиозных групп к волонтерству называется добровольный, сознательный, бескорыстный характер участия.

Идейность, идеология делит единый мир на две половины, между которыми мыслится непроницаемая граница: наша половина хорошая, чужая — плохая, — что и является основанием для противостояния, которое, как полагается, принесет благо своим или, что точнее, всему целому, ибо истинными представителями всего («здорового») целого выступают свои. Достижение блага мыслимым своим возлагается на относительно узкую, закрытую и хорошо организованную группу (или организацию).

«...фашисты и скинхеды, — конечно, добровольцы [...], действуют бесплатно и бескорыстно, осознанно, абсолютно идеологически, но при всем этом за счет других, исключая чужих — тех, против кого они выступают, — из возможности диалога. То есть они не готовы с ними вступать в контакт, не готовы дискутировать, они просто решают проблемы методом устранения оппонента. Устранения в разных смыслах» (ПОЗ).

Идейности правых волонтерских групп приписывается **жесткость, радикальность**. В этом отношении социальное волонтерство предстает *безыдейной* и *мягкой* силой. *Безыдейная мягкость* практична: она направлена на помощь людям. Идейная протестность правого толка тоже имеет своим объектом людей, но в отличие от *мягкого* волонтерства, утверждающего людей через помощь, она скорее их отрицает. По-видимому, отсутствие социально-гуманитарной направленности деятельности является основным признаком, маргинализирующим подобные волонтерские структуры.

«Ну, знаете, какая там сейчас здоровая молодежь! Это даже не расистские организации — не знаю, как правильно выразиться. Возьмем те же организации... Мы все — русский народ, они собирают молодежь, и для них личность другой национальности — это уже все, они против. Такого рода организации — это уже совсем другое, это уже более идейные. У нас все-таки помягче, нет такого» (П18).

⁴ Слово война взято в кавычки, поскольку данная метафора не представляет собой код in-vivo (как остальные метафоры), а реконструируется из категорий и фраз информантов. Волонтерство правого толка трактуется информантами преимущественно как деятельность, нацеленная на устранение, моральное или физическое, тех, кто идеологически числится врагами и (или) теми, кто опознается как угроза собственному выживанию. Такое протестное участие априори исключает из форм взаимодействия диалог и возможность консенсуса; информанты подчеркивают агрессивность и радикальность форм взаимодействия волонтеров правых групп.

⁵ Можно отметить, что в социальной науке расширенные трактовки волонтерства также причисляют подобные структуры к волонтерским.

Внутри правых групп критерий *агрессивность—неагрессивность* используется для взаимных категоризаций. Определение собственного способа взаимодействия с внешним миром как политики, не агрессивной и не направленной на конфликт с властью, позволяет некоторым окологранным волонтерам отграничить себя от других, более радикальных волонтерских структур. Категория *неагрессивности* для самоописания в этой перспективе не идентична идеологической безыдейности.

«Есть оппозиционные слишком агрессивные. Хотя кто-то должен высказывать радикальные мысли... Мы ведем неагрессивную политику. Мы пропагандируем трезвый и здоровый образ жизни. Ставка сделана на уничтожение русского народа. Мы это говорим неагрессивно».

«И: Как Вы относитесь к разным типам волонтерства?»

Р: Нормально. Они должны быть. Они полезны обществу. Это наш народ. Сыновья в семье с разными взглядами одинаковы для своих родителей. Мы уважаем их за их взгляды. Когда ребят с „Русского марша“ стали обыскивать, наши сказали, что станут с ними в один ряд» (К20).

В этой перспективе артикуляция неагрессивным правым волонтером идеи о полезности для общества разных взглядов не равносильна включению в дискуссию иных идеологических групп (к примеру, левых), она просто допускает различные (нерадикальные и радикальные) способы реализации правой идеи, что дискурсивно выражается примордиалистской метафорой семьи. Общество, редуцированное до русского народа, обозначается как семья. Волонтер, борющийся за интересы русского народа, входит в семью и приобретает метафорический статус сына. Метафора семьи предопределяет поведение нерадикальных правых волонтерских групп в ситуации, когда радикальные (маргинальные) собратья оказываются под давлением государственных институтов: отстраненность уступает место, пусть и символической, дискурсивной солидарности⁶.

В рамках правого волонтерства протест определяется через категории идеологии и радикальности. Протестное волонтерство — это отрицание, исключение из дискуссии политических оппонентов и тех, кто не относится к объекту заботы (русскому народу), а следовательно, воспринимается как угроза для него. С позиции идеологически близких групп протестное волонтерство приравненное к радикальным, но необходимым методам достижения групповых целей по защите символического объекта заботы, рассматривается как полезное. С позиции внешних групп протестное волонтерство правого толка согласованно выносятся на периферию волонтерства.

Экологическое волонтерство: протест как борьба

Отдельно от протестного участия волонтерских групп либерального или правого толка выделяются **экологические организации** (С41, К08, К33, П06, С47, С01, С25, С40), которым приписывается *ведение борьбы*.

⁶ Отстоящие от правой идеологии волонтеры называют основанием для отождествления волонтерства и протестной активности единство мотивов участников — помощь людям, универсалистский критерий, связанный с ориентацией на любого индивида, нуждающегося в помощи. В отличие от этого волонтер правого толка такой мотив видит в патриотизме — мотиве, ориентированном на интересы нации и рассматривающем людей через привязку к patria (стране, нации и т. д.).

«Экологические организации я бы тоже отнесла к определенным протестам. Протесты против вреда природе. Видишь, общественные организации, там какой протест может быть? Там не протест, а уже борьба с какими-то определенными вещами, которые не устраивают эту организацию» (ПОб).

Борьба, согласно толковому словарю Ушакова, имеет две трактовки. В первом значении борьба рассматривается как открытое противостояние/схватка (как минимум) двух противоборствующих сил, в которой каждая пытается осилить другую. Во втором смысле борьба трактуется как деятельность, направленная на преодоление чего-либо или достижение какой-то цели⁷. Последняя трактовка отражает специфику борьбы в рамках экологического волонтерского движения. Борьба за экологию может происходить в разных режимах взаимодействия с властью: при поддержке и сотрудничестве (С47, С40), дистанцировании как от поддержки, так и от противостояния, открытом противостоянии (К08, С40).

Сознательное противостояние воле и решениям власти неизбежно выводит волонтера за пределы (легального) поля волонтерского участия и сопровождается маркировкой экологического экстремиста. Перспектива приобрести неодобряемую общественную категоризацию удерживает отдельных волонтеров от участия в протестных акциях, вынуждая вместо этого сотрудничать.

«Кто-то властям противостоит уверенно [...]. Например, в Химках было нешуточное противостояние, когда людей забирали [...]. Сразу причисляют к экологическим экстремистам. Есть те, кто пытается сотрудничать с властями. Яркий пример: мы взаимодействуем с «Шансом», с Комитетом по делам молодежи» (С40).

Далее эксперт поясняет, что вывести за пределы легального поля волонтерства легче всего небольшие, локальные волонтерские объединения, этим, возможно, объясняется отказ этих организаций от протестных действий в отношении власти. Глобальные организации, к примеру, Гринпис, не сильно включенные в локальные сообщества и ресурсно не зависящие от местных администраций, противопоставляют властям более уверенно и, имея статус глобальных организаций, готовы принять маргинальные категоризации внутри национальных контекстов.

В рамках экологического измерения протестное волонтерство понимается как «борьба против вреда», «борьба за защиту» окружающей среды, которая может протекать в форме как институциональных, так и внеинституциональных действий; экологическим экстремизмом обозначается волонтерская деятельность, допускающая протестные действия против решений органов государственной власти. Протестная активность непосредственно связана с защитой объекта заботы — окружающей средой.

Защита животных: порядок и протест

Эта перспектива демонстрирует тезис И. Климова об особенностях групповой динамики волонтерства и естественности протестного потенциала некоторых волонтерских групп. Источником такого протестного действия скорее является групповая ответственность за объект заботы, а не изначальная идео-

⁷ Электронный толковый словарь Ушакова. URL: <http://enc-dic.com/ushakov/Borba-3132.html> (дата обращения: 25.05.2015).

логическая установка членов группы. Принятие коллективной ответственности предполагает конструктивные, непротестные действия лишь до того момента, пока отправлению функции помощи объекту заботы не препятствуют интересы иных групп. Ответом на действия, интерпретируемые как угроза интересам объекту заботы, может стать протестная активность против, к примеру, нецелевого расходования денежных средств, или, как во фрагменте ниже, меховая индустрия.

«Мы порядок хотим навести, чтобы не было бездомных животных. И в то же время протестуем против нецелевого расходования денег, которые уже выделены из бюджета» (С39).

«Мы и поддерживающие порядок, и протестные одновременно. Потому что, поддерживая порядок на улице, мы регулируем численность животных в городе: мы стерилизуем животных, все собаки и кошки подлежат стерилизации... То есть мы все равно поддерживаем порядок на улице. Собаки на улицах стали меньше кусать людей» (П25).

Если действия, направленные на защиту объекта заботы, одновременно трактуются и как ориентированные на структурное улучшение, например (как в представленных фрагментах) на поддержание общественного порядка путем регулирования численности бездомных животных, появляется амбивалентная самокатегоризация, одновременно поддерживающая и порядок, и протест⁸.

В рамках публичных сцен протестность становится основанием для демаркации с другими группами. Представленный фрагмент демонстрирует: когда базовой (группообразующей) в репертуаре групповых ролей мыслится роль волонтера (форма волонтерского участия, нацеленная на непосредственную помощь объекту заботы), а роль активиста является производной от нее, группы, принимающие в качестве базовой вторую роль, идентифицируются как совершенно другие. Другими обозначаются те, кто не готов взять на себя коллективную ответственность за реальный объект заботы (в данном случае — за конкретных собак и кошек).

«...когда мы устраивали антимеховые акции, это тоже было своего рода протестное волонтерство. И там были люди не те, которые собакам и кошкам помогали, а совершенно другие, которых интересовала именно эта проблема. Вот они-то все такие прямо протестные» (П25).

В рамках четвертого измерения протестное участие занимает периферийный, вспомогательный статус в репертуаре ролей группы. Группообразующая форма деятельности — помощь объекту заботы — может расширяться за счет институциональных и внеинституциональных протестных действий в случае препятствий или сложности защиты интересов объекта заботы путем осуществления локальной непосредственной помощи в рамках частных сцен. При этом протестная активность нацелена на защиту как конкретного объекта заботы, локализованного перспективой «здесь и сейчас», так и опосредовано на обобщенного объекта заботы (всех животных).

⁸ Это такой специфический мягкий протест, который напоминает лозунг Огюста Конта «Порядок и прогресс», реализация которого в теории имеет мало общего с мягкотелостью.

Социальное волонтерство: замещение государства как протест

Волонтеры социальной сферы, в частности работающие с детьми-сиротами, видят протестный, оппозиционный потенциал собственной деятельности в замещении неэффективных государственных учреждений:

*«Знаете, с этой точки зрения мы тоже оппозиционное волонтерство. Мы часто **замещаем те функции, которые должны быть...**» (С16).*

*«...может быть, кажется, что мы... **кто-то нам говорил: вы дублируете государство.** А где оно тогда, раз мы его дублируем, почему оно не помогает?.. Им, наверное, кажется, что мы оппозиционеры, нам — нет. Мы-то хотим [...] сделать Пермский край раем для детей [...], мы закончим свою деятельность, когда последний ребенок в детском доме выйдет со своей новой мамой [...], чтобы у нас работы совсем не осталось...» (П29).*

Собственно выполнение функций вместо неэффективных государственных/муниципальных учреждений не предполагает преобразования последних, а сами социальные волонтеры не видят себя в роли активистов. Однако игра на поле, которое провозгласившее себя социальным государством считает безраздельно своим, превращает социальных волонтеров в оппозиционеров — таковыми их идентифицируют ревнивые чиновники, а наталкиваясь на административные барьеры, таковыми себя начинают идентифицировать и сами волонтеры, которые начинают осознавать корень социальных проблем в дисфункции общественных учреждений [Musick, Wilson, 2008: 19—20]. В этом измерении актер действует как волонтер, но смотрит на проблему из перспективы активиста.

*«...вообще, **напрашивается** такой вид деятельности, по помощи больным детям, очень сильно **напрашивается**, но пока у нас **нет уверенности или сил**, или, может быть, такой необходимости в борьбе с какими-то... или **вступить в оппозицию** с Минздравом Пермского края. Но мы все время натываемся на какие-то вещи, которые внутри вызывают бурю протеста...» (П28).*

Иначе говоря, удерживать волонтеров от перехода к протестным действиям может как недостаток ресурсов, так и уже опривыченные модели локального действия. При наличии нужных ресурсов и (или) невозможности решить проблему в рамках частных сцен волонтер может перейти к протесту на публичных сценах, но границы протестного действия будут локальными, активность будет направлена на местные органы власти, принимающие решение по конкретному объекту заботы.

«Мы будем явно относиться к оппозиционному волонтерству [...]. Например, был конфликт с Министерством образования во время закрытия одного учреждения, с которым мы долго работали, школа-интернат [номер] для детей сирот. Отличное было учреждение с точки зрения внутреннего социального состояния детей [...]. В один прекрасный день им сказали: завтра в 8 утра вас отсюда выселяем. Мы подняли большой бунт на эту тему в Интернете, писали, обращались в СМИ [...]. Властям это очень не понравилось. Меня вызвали в Министерство образования и сказали: если ты хочешь вообще что-то делать, быстро закрывай эту тему [...]. Тогда был конфликт, и мы явно были оппозиционно настроены» (С15).

В измерении социального волонтерства протестное волонтерство понимается в двойной перспективе. В первой перспективе как протест интерактивно начинает осмысляться замещение дисфункциональных общественных институтов социаль-

ной сферы; волонтер осуществляет привычное социальное служение в рамках частных сцен при отсутствии институционального доверия.

Во второй перспективе протест выводится на публичные сцены, однако его границы, объект и цели носят исключительно локальный характер. За конкретным объектом заботы (к примеру, дети отдельного детского дома) не мыслится обобщенного объекта (дети вообще), само действие не мотивируется ни постматериалистическими ценностями (как в измерениях 1—4), ни идентификациями с воображаемыми сообществами (к примеру, социальным движением за права животных). Протест направлен на конкретные структуры: областной Минздрав, местную администрацию, препятствующие здесь и сейчас защите интересов конкретного объекта заботы.

Заключение

Первое измерение представляет этос либерального волонтерства. В его рамках протестные формы участия трактуются как способ ведения социально-политической дискуссии с властью и обществом, т. е. границы протестного действия задаются предельно широко. Цели декларируются абстрактно и широко: обеспечение равновесия в обществе (через систему сдержек и противовесов), снижение социальной напряженности. Протестное участие не детерминировано защитой или заботой о конкретном объекте, оно является автономной деятельностью. Этос либерального волонтерства пронизан универсалистскими ценностями. В понятиях Александера и Яноски, протестная деятельность волонтеров ориентирована на гражданское переустройство [Alexander, 2006; Janoski, 2010].

Второе измерение представлено этосом правого волонтерства. Здесь под протестностью понимается радикальность идеологических установок волонтерской группы, заключающаяся в отрицании символическом и (или) физическом индивидов и групп, не относящихся к символическому объекту заботы (в представленном ниже фрагменте — русскому народу) и (или) препятствующих его защите. Этос правого волонтерства основывается на партикуляристских ценностях, что в целом противоречит гуманитарной направленности волонтерства и является основанием для его отнесения (внешними группам) на периферию волонтерства. Яноски связывает это направление с ослаблением гражданского устройства [Janoski, 2010].

Третье измерение отражает этос экологического волонтерства. Протестное участие связывается с борьбой против загрязнения/за защиту окружающей среды в форме как институциональных, так и внеинституциональных действий. Выбор средств борьбы (радикальность или умеренность экологических организации) диктуется не идеологическими, а рациональными основаниями — ресурсной (не)зависимостью локальных организаций от местных властей.

Четвертое измерение выражает этос волонтерских организаций за защиту животных. Протестная активность трактуется волонтерами как вспомогательная деятельность по отношению к базовой, группообразующей деятельности — непосредственной помощи реальному объекту заботы (животным). Роль активиста подчинена роли помогающего волонтера. Порядок трактуется неполитически, т. е. как общественный порядок, и на практике означает выполнение функций по защите животных (приюты для животных и т. д.).

Пятое измерение отражает логику социального волонтерства. Цели протестного участия сводятся к защите конкретного объекта заботы (например, детский дом или ребенок). Протестное действие направлено не на власть вообще, а на местную администрацию и т. д., непосредственно на того, кто принимает *несправедливые* решения в отношении объекта заботы. Протестное действие может не проявляться, и тогда под протестом (оппозиционностью) понимается замещение волонтерской организацией функций дисфункциональных общественных институтов. И волонтеры, и чиновники, не достигая эффективного взаимодействия в интересах объекта помощи, находят консенсус в определении волонтерской помощи как оппозиционной деятельности.

Выявленные различия между пятью измерениями протестного волонтерства представлены в таблице.

Измерение	1. Либеральное волонтерство	2. Правое волонтерство	3. Экологическое волонтерство	4. Волонтерство в защиту животных	5. Социальное волонтерство
Ключевая метафора протеста	Протест как диалог	Протест как война против	Протест как борьба за	Порядок и протест	Замещение госфункций как протест
Основной смысл	Диалог с властью и обществом	Социальное исключение «чужих»	Защита беспомощных	Защита беспомощных	Помощь обездоленным
Объект заботы	Обобщенный (права граждан)	Воображаемые сообщества (русские) ⁹	Обобщенный (окружающая среда)	Локальный (собаки и кошки г. Перми), с возможным обобщением (животные вообще)	Локальный
Ценностное основание	Либеральная идеология	«Правая» идеология	Постматериалистические ценности	Благо реального и обобщенного объекта заботы; постматериалистические ценности	Благо конкретного объекта заботы

Вопрос о возможности протестного волонтерства так или иначе получает ответ в терминах моральных и/или социальных оснований протестных действий волонтеров. Рассмотренные измерения обнаруживают **два полярных способа легитимировать** протестное участие волонтеров.

Первый способ легитимации — апеллировать к **сущности волонтерства**. Он основан на идее о том, что волонтерство, представляя собой форму гражданского участия, является источником как социального, так и политического действия.

⁹ В трактовке Бенедикта Андерсона.

Такая легитимация нуждается в идеологическом обосновании, которое располагает к расширению границ протестного действия до глобального уровня, постановке широких целей и задач (как то баланс в обществе и т. д.).

Второй способ легитимации — апеллировать к объекту заботы. Целесообразность протестного действия артикулируется в том случае, когда непосредственные локальные действия по защите объекта заботы оказываются (т. е. оцениваются как) неэффективными. Этот способ легитимации в меньшей степени нуждается в идеологическом обосновании, моральным основанием протестного действия является благо конкретного объекта заботы. Протестное действие стремится к пространственной и предметно-проблемной локализации.

Выделенные категории для описания этоса протестного волонтерства не претендуют на универсальность и всеохватность. Тем не менее результаты анализа говорят в пользу обусловленности границ и смыслов волонтерского протеста ролевым репертуаром волонтерской организации/группы.

Список литературы

Климов И. А. «Конструктивные» и «протестные» движения как ресурс изменения социальных практик // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 2. С. 201—216.

Оберемко О. А., Истомина А. Г. Противопоставление волонтерской и протестной деятельности в самоописаниях российских волонтеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (126). С. 72—82.

Сафронов В. В. Потенциал протеста и демократическая перспектива [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. Вып. 4. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/4/safr.html>. Дата обращения — 07. 11. 2015.

Alexander J. The Civil Sphere. New York : Oxford University Press, 2006.

Blackstone A. «It's just about Being Fair». Activism and the Politics of Volunteering in the Breast Cancer Movement // Gender & Society. 2004. Vol. 18, No. 3. P. 350—368.

Caputo R. K. Women as volunteers and activists // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1997. Vol. 26, No 2. P. 156—174.

Dekker P., Koopmans R., van den Broek A. Voluntary Associations, Social Movements and Individual Political Behaviour in Western Europe // Private Groups and Public Life : Social Participation, Voluntary Associations and Political Involvement in Representative Democracies / ed. by J. W. van Deth. London ; New York : Taylor & Francis e-Library, 2005. P. 224—243.

Eliasoph N. Making a Fragile Public : A Talk-Centered Study of Citizenship and Power // Sociological theory. 1996. Vol. 14. No. 3. P. 262—289.

Eliasoph N. Avoiding politics : How Americans produce apathy in everyday life. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1998.

Eliasoph N. The Politics of Volunteering. Cambridge : Polity Press, 2013.

Ellis S. J., Campbell K. H. By the People : a History of Americans as Volunteers. Philadelphia : Energize, 2005.

Heath R. L., Waymer L. Activist public relations and the paradox of the positive: A case study of Frederick Douglass' "Fourth of July Address" // Rhetorical and Critical Approaches to Public Relations / ed. by. R. L. Heath, E. L. Toth, D. Waymer. New York : Routledge, 2009. P. 195—215.

Henriksen L. S., Svedberg L. Volunteering and Social Activism : Moving beyond the Traditional Divide // Journal of Civil Society. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 95—98.

Janoski T. The Dynamic Processes of Volunteering in Civil Society : A Group and Multi-Level Approach // Journal of Civil Society. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 99—118.

Kayal P. Bearing Witness : The Gay Men's Health Crisis and the Politics of AIDS. Boulder, Colo. : Westview Press, 1993.

Klandermans B. How Group Identification Helps to Overcome the Dilemma of Collective Action // American Behavioral Scientist. 2002. Vol. 45 No. 5. P. 887—900.

Musick M. A., Wilson J. Volunteers : A Social Profile. Bloomington : Indiana University Press, 2008.

Omoto A. M., Snyder M., Hackett J. D. Personality and Motivational Antecedents of Activism and Civic Engagement // Journal of Personality. 2010. Vol. 78. No. 6. P. 1703—1734.

Passy F. Political Altruism and the Solidarity Movement // Political Altruism? Solidarity Movements in International Perspective. Lanham, Md. : Rowman and Littlefield, 2001. P. 3—25.

Pesqueux Y. Volunteer, Activist, Elected Representative // Encyclopedia of Corporate Social Responsibility. Berlin : Springer-Verlag, 2013. P. 2683—2688.

Poppendieck J. Sweet Charity? Emergency Food and the End of Entitlement. New York : Viking, 1998.

Smith M. F., Ferguson D. P. Activism 2.0 // The Sage Handbook of Public Relations / ed. by. R. L. Heath. Thousand Oaks : Sage, 2010. P. 395—407.

Whiteley P. F., Seyd P. Political capital formation among British Party Members // Private Groups and Public Life : Social Participation, Voluntary Associations and Political Involvement in Representative Democracies / ed. by. J. W. van Deth. London ; New York : Taylor & Francis e-Library, 2005. P. 127—145.